

A-46

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

АЛЕКСАНЯН САМВЕЛ ХАЧИКОВИЧ

УДК 947.925

ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ НОВОГО ПЕРИОДА

07.00.09 - Историкография, источниковедение и
методы исторического исследования

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Е Р Е В А Н - 1992

Работа выполнена в Институте истории Академии наук Республики Армении.

Официальные оппоненты:

член-корреспондент АН Республики Армении, доктор экономических наук, профессор В. Е. ХОДЖАБЕКЯН;

доктор исторических наук, профессор Г. М. ЕГЛАНЯН;

доктор исторических наук, профессор В. Н. КАЗАХЕЦЯН.

Ведущее учреждение - Ереванский государственный университет.

Защита диссертации состоится "6" апреля 1993 г. в 13 час. на заседании специализированного совета Д. 005.19.01 по присуждению ученой степени доктора исторических наук в Институте истории Академии наук Республики Армении.

адрес: 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24-г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории АН Республики Армении.

Автореферат разослан "23" февраля 1993 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета,
кандидат исторических наук

Р. Л. АЗИЗБЕКЯН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Изучение аграрных отношений Восточной Армении нового периода имеет более чем столетнюю историю. Отдельные составляющие этих отношений затронуты, в различных аспектах и по разным поводам, в ряде кавказоведческих работ, появившихся во второй половине XIX века и в начале XX века. Гораздо более интенсивные исследования системы этих отношений, с последовательным расширением рамок изучения положения крестьянства и с привлечением богатого фактического материала, проведены советскими учеными (начиная с 1920-х годов). В их трудах, специально посвященных этой теме или затрагивающих ее в связи с разработкой других проблем, освещен широкий комплекс вопросов аграрного строя страны, социально-экономической эволюции восточноармянской деревни.² Созданная донныне литература убеждает в необходимости критического разбора и оценки историографического

¹ Торнау Н. Е. Изложение начал мусульманского законодечения. СПб, 1850; Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб, 1852; Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян в Эчмиадзинской и Сурмалинском уездах Эриванской губернии // Материалы по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. III, ч. I, Тифлис, 1886; Зелинский С. П. Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян Закавказского края // Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края / далее - Свод материалов... /, т. II, Тифлис, 1887; Егиазаров С. А. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии // Свод материалов..., т. I, Тифлис, 1887; Его же. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община. Казань, 1889; Кучаев М. Н. Земельное устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в закавказских губерниях // Свод материалов..., т. I, ч. II; Его же. Феодализм и закрепощение в Закавказье, // Русский вестник, 1893, т. 224, январь; Иваненко В. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907; Тигранов Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб, 1909; Ананун Д. Общественное развитие российских армян в XIX веке, т. I, Баку, 1916; Дяцков В. Высшие классы коренного населения Кавказского края. Тифлис, 1917; и другие.

² Авдалбекян Т. А. Багра и молк в ХУП-ХУШ веках // Норк, 1923, кн. II, статья переиздана - Авдалбекян Т. А. Арменоведческие иссле-

наследия по теме, привлечения внимания специалистов к малоизученным или не рассмотренным до сих пор вопросам. Опыт историографического анализа основных результатов исследования многогранной проблемы может способствовать дальнейшему, в последнее время, к сожалению, прерванному ее изучению. Весьма актуальной представляется попытка разобраться в противоположных или не совсем схожих

дования. Ереван, 1969 /на арм.яз./; Маркосян С.С. Земельные отношения в ханствах Закавказья накануне российского владычества //Известия института истории и литературы Армянской ССР, кн. I, Ер., 1936 /на арм.яз./; Его же. Колониальная политика царизма и армяне в XVII в. //Борьба классов. Изд-во "Правда", М., 1936; Погосян С. Церковное землевладение в Ереванском ханстве в XVII-XVIII вв. и Эчмиадзин как крупный помещик //Научные труды Ерев. гос. университета, т. XIII, Ер., 1940 /на арм.яз./; Арутюнян В.М. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII-XVIII вв. Ер., 1940; Парсамян В.А. Колониальная политика царизма в Армении. Ер., 1940 /на арм.яз./; Ештуни В.А. Крестьянская реформа в Армении в 1870 г. Ер., 1947; Есаиян А.М. Мулькардарское право в Армении. Ер., 1948; Марухян А. Положение крестьянства в досоветской Армении /1900-1920/. Ер., 1948 /на арм.яз./; Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв. Л., 1949; Овачесян О. Аграрный вопрос в бывшей Эриванской губернии в конце XIX в. и в начале XX в., Ер., 1949 /на арм.яз./; Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XIX в. М., 1954; Туманян О.Е. Экономическое развитие Армении, ч. I. Ер., 1954; Адоци М.А. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. Ер., 1957; Мочалов В.Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958; Амбарян А.С. Развитие капиталистических отношений в армянской деревне /1880-1920/. Ер., 1959; Маркосян С.С. Аграрные отношения в Араратском крае в XVII-XVIII вв. и в первой четверти XIX в. Ер., 1959 /на арм.яз./; Еганян М.Н. Порепорформенные аграрные отношения Армении. Ер., 1960 /на арм.яз./; Ештуни В.А. Очерки истории крестьянства Армении, ч. I /1828-1878/. Ер., 1960; ч. II /1870-1917/. Ер., 1968 /на арм.яз./; Погосян А. Социально-экономические отношения в Карской области /1878-1920/. Ер., 1961 /на арм.яз./; Еганян Г.М. Аграрные отношения в Иране в первой половине XIX в. Ер., 1963 /на арм.яз./; Адоци М.А. Народное хозяйство Армении и армянская экономическая мысль в начале XX в. Ер., 1968 /на арм.яз./; Дидоян В.А. Эчмиадзинское монастырское хозяйство в начале XIX в. //Страницы истории и филологии армянского народа. Ер., 1971 /на арм.яз./; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. - А.П. Новосельцев. Страны закавказского и среднеазиатского регионов. М., 1972; Лонджарян М.А. Из истории аграрных отношений Восточной Армении. Ер., 1974 /на арм.яз./; Маркосян С.С. Право иммунитета в Араратском крае в XVII-XVIII вв. Ер., 1975 /на арм.яз./; Овагимян В.Х. Крестьянские движения в Восточной Армении /1830-1890-е гг./. Ер., 1984 /на арм.яз./; История армянского народа. Изд-во АН АрмССР, т. IV. Ер., 1972; т. V, Ер., 1974; т. VI, Ер., 1981 /на арм.яз./ и другие.

Полностью использованная литература приводится в конце диссертации.

точках зрения, сложившихся у исследователей по ряду стержневых вопросов. Следует иметь в виду, что предметом незавершенной дискуссии по существу являются те основные формы земельно-сословных отношений, которые во многом предопределяли темпы процесса разложения феодального строя, зарождения и развития капиталистических отношений в Восточной Армении. Преодоление неопределенности в спорных вопросах необходимо и для лучшего познания этого важного процесса, как и вообще перемен в социально-экономической жизни страны после присоединения ее к России.

Цель и задачи исследования. Интересующие нас труды весьма разноплановы и неоднородны. В совокупности же они освещают следующие проблемы аграрных отношений: земельная собственность, формы частного землевладения и ренты, экономическое и правовое положение крестьянства, аграрная политика царизма, условия развития капиталистических отношений в восточноармянской деревне.

В обстоятельном анализе и оценке основных результатов изучения этих проблем, с попыткой наметить новые вопросы для дальнейших исследований заключается цель нашей работы. Главное внимание сосредоточено на вопросах, получивших неоднозначные решения. Спор по ним возник (и принял острый характер особенно в конце 1950-х - начале 1960-х годов) при определении наиболее характерных черт аграрных отношений Восточной Армении в период позднего средневековья - первого тридцатилетия XIX в. Естественно, разные позиции, хотя и без явного острого противостояния, прослеживаются и в толковании аналогичных реалий дореформенного и пореформенного периодов, политики царизма в отношении местного "высшего сословия", проводимой здесь до 1846 г., сути и действительных последствий аграрных законов 1846-1912 гг., предпосылок социально-классовой поляризации сельской общины.

Существенных разногласий в немаловажных деталях этих и других вопросов больше, чем можно было бы судить об их наличии лишь только по завершающим формулировкам противоположных (порой и во многом схожих) точек зрения общего значения. Тем важнее видится задача раскрыть корни разногласий, показать различие в методах изучения спорящими сторонами конкретного материала по конкретным вопросам.

Уровень научной разработки темы. Первым "попытку решения проблемы феодальных отношений" в Восточной Армении накануне ее при-

соединения к России предпринял в 1958 г. В.Рштуни:³ констатировав общность выводов ряда советских исследователей (Б. Арутюняна, А.Есяяна, И.Петрушевского, О.Туманяна, М.Адонца) относительно сущности этих отношений, земельной собственности и основных видов частного землевладения – мулькадарства и тилульдарства, он указал на "некоторое непреодоленное разногласие" в вопросе о правовом положении крестьянства. Причем, В.Рштуни счел определение этими учеными мулькадарства как формы частной (вотчинной) собственности на землю и тилульдарства как вида землевладения, проявлявшего тенденцию отождествляться с мульком, чуть ли не решающим доводом, в противовес досоветским авторам, в подтверждение "несомненного факта наличия феодальных отношений в стране". На уязвимость подобного довода с точки зрения теории справедливо указал С.Маркосян.⁴ Очевидна и поспешность В.Рштуни в подытоживании "общих выводов" вышеупомянутых советских авторов. Как показали последующие исследования, за многими из этих выводов скрыты весьма существенные разногласия по отдельным вопросам земельно-сословных отношений.

Один из подразделов своего труда В.Рштуни посвятил обобщению результатов обсуждения советскими исследователями вопроса "о крепостнической политике царизма в Закавказье", в частности, в Восточной Армении в 1820–1851 гг.⁵ Отмечая, что эта политика освещена ими в основном правильно, он особо подчеркнул вывод о начавшемся с 1845 г. новом курсе, приведшем в 1847–1851 гг. к законодательному утверждению и расширению прав на землю местного "высшего сословия". Подчеркнутый В.Рштуни тезис, согласно

³ Рштуни В.А. Феодальные отношения в Восточной Армении накануне ее присоединения к России: проблема и попытки ее решения. // Историко-филологический журнал АН АрмССР (далее ИФЖ), 1958, № 2 – с.18–37

⁴ Маркосян С.С. К вопросу о землевладении и крепостничестве в Восточной Армении накануне ее присоединения к России. – ИФЖ, 1961, № 3–4, с.265.

⁵ Рштуни В.А. Очерки истории крестьянства Армении, ч.1, Ер., 1960, с.186–189 (на арм.яз.).

которому царизм до 1842 г. не признавал прежних прав "высшего сословия" Закавказья, поскольку де "был далек от намерения опираться на местные помещичьи слои",⁶ на наш взгляд, не обоснован.

В.Рштуни рассмотрел также выводы и мнения исследователей о предпосылках и ходе подготовки крестьянской реформы в Закавказье.⁷ Известное положение о том, что сила экономического развития и размах крестьянского движения в России заставили власти провести крестьянскую реформу, следует отнести и к Закавказью, подчеркнул он, но с оговоркой: здесь эти предпосылки не проявлялись с такой же силой, как в России. В частности, В.Рштуни справедливо возражал против попыток некоторых исследователей ставить почти на одинаковый уровень крестьянские движения в России и в Закавказье (тем более – крестьянские волнения в Армении – С.А.) и одинаковым образом оценить их воздействие на царизм в деле проведения реформы. Уместно также замечание В.Рштуни по поводу положения А.Есяяна, согласно которому кавказские власти якобы не спешили проводить в Закавказье крестьянскую реформу, находя, что закавказское крестьянство пока "не созрело" для этого. Напротив, из приведенных самим А.Есяяном данных явствует, что власти искали такие способы "общественного благоустройства", в первую очередь, такое государственное размежевание земель, которыми намеревались подготовить урегулирование запутанных и многообразных земельно-сословных отношений в пользу не готовых для реформы, по их мнению, помещиков.⁸ Однако деревенская верхушка воспользовалась именно безобразным состоянием межевания, являвшегося источником злоупотреблений и земельных захватов как в дореформенном, так и во всем пореформенном периоде.

Более обстоятельно представил В.Рштуни "Вопрос крестьянской реформы в Армении в армянской советской историографии",⁹ затронув почти все узловые вопросы истории реформы с обсуждением

⁶ Там же, с.12.

⁷ Рштуни В.А., Очерки истории..., ч.П, Ер., 1968, с.30–40 /на арм.яз./.

⁸ Есяян А.М. Мулькадарское право в Армении. Ер., 1948, с.88–89.

⁹ Рштуни В. Очерки..., ч.П, с.160–186.

и оценкой основных выводов по ним ряда историков и экономистов. Два из этих вопросов, не получивших однозначных решений в результате предыдущих исследований, здесь должны были быть в центре его внимания: 1) проявилось ли буржуазное содержание реформы в Армении сильнее, чем в России, как считал сам В.Рштуни в первой своей монографии, посвященной реформе 1870 г.?; 2) можно ли считать началом крестьянской реформы в Армении не Положение 14 мая 1870 г., а Закон 20 декабря 1912 г.? Пересмотрев свой прежний вывод о содержании Положения 1870 г. В.Рштуни выдвинул, на наш взгляд, обоснованный тезис о важности целостной оценки законодательных мероприятий 1870-1912 гг. как звеньев общей цепи реформы.

Трудно согласиться с выводом В.Рштуни о размере частновладельческого натурального налога, установленного в Ереванской губернии Положением 1870 г.

В.Рштуни положительно оценил основные выводы советских армянских исследователей о факторах, стимулировавших или, напротив, сдерживавших капиталистическое развитие сельского хозяйства Восточной Армении в пореформенный период, в частности, в 1890-х годах, о "некоторой роли... результатов крестьянской реформы" в этом развитии. В этой связи нуждается в пересмотре его оценка, данная соответствующим положениям М.Б.Абяна, которые, по нашему мнению, противоречивы.

В.Дилоян, Г.Казарян, Д.Мурадян в статье "Обзор историографии новой истории Армении" подчеркнули важность определения особенностей феодальных отношений Восточной Армении с точки зрения исследования истории ее социально-экономического развития в XIX в.¹⁰ Сжато изложив разные толкования некоторых основных вопросов аграрных отношений Восточной Армении (земельной собственности и форм землевладения, правового положения крестьянства), они отметили, что эти вопросы еще не получили своего окончательного решения из-за недостаточности архивных материалов, введенных в научный оборот. По нашему убеждению, во многих случаях следует говорить скорее о том или ином прочтении достаточно богатого мате-

¹⁰ Дилоян В.А., Казарян Г.М., Мурадян Д.А. Историографический очерк новой истории Армении. - Вестник общественных наук АН Армянской ССР (далее - ВОН), 1967, №3, с.30-33.

риала, об умении того или иного исследователя раскрыть логику фактов.

Ш.Арутюнян, говоря о дискуссии, развернувшейся по некоторым вопросам феодальных отношений в Восточной Армении XVII-XVIII вв. - первого тридцатилетия XIX в., уделил внимание точке зрения С.Маркосяна об отсутствии частной помещичьей земельной собственности и крепостной зависимости крестьян. Он отметил, что спор С.Маркосяна "с рядом советских исследователей относится не к сущности феодализма, а к конкретному его проявлению в нашей стране в условиях иранского господства XVII-XVIII вв.". Путаницу может вызвать формулировка Ш.Арутюняна - будто С.Маркосян "возражает против как проф. В.Рштуни, так и профессоров А.Бсабяна, И.Петрушевского и доц. Б.Арутюняча, которые утверждают, что в нашей стране, накануне ее присоединения к России, не существовало государственной собственности на землю".¹¹ Никто из исследователей не брал под сомнение факт преобладания этой формы земельной собственности в Восточной Армении. предметом спора являлись частновладельческие права мулькадаров и тиульдаров. Упомянув исследования советских историков и экономистов, посвященных социально-экономической истории Армении XIX в. и дав общие оценки некоторым из них, Ш.Арутюнян особенно подчеркнул значение трудов В.Рштуни. Одновременно он указал на выходящую за рамки мысли В.Рштуни о буржуазном содержании крестьянской реформы в Армении. Как уже было отмечено, В.Рштуни пересмотрел эту свою точку зрения, обратив внимание / после критического замечания Н.Дружинина / на то обстоятельство, что в Восточной Армении не совершался выкуп надела и, к тому же, реформа относилась к очень небольшому числу крестьянских хозяйств страны. Однако, было бы неправильно, имея в виду лишь это обстоятельство, согласиться с утверждением Ш.Арутюняна о том, что реформа фактически не была претворена в жизнь.

Вышеупомянутые наблюдения и обобщения мы рассцениваем лишь как первые небольшие шаги на пути к созданию истории изучения аграрных отношений Восточной Армении XIX - начала XX вв. Очевидно,

¹¹ Арутюнян Ш.Р. Развитие исторической науки в Советской Армении / 1920-1963 /: очерки, Ер., 1967, с.72-79, 99-100, 256-271 / на арм. яз. /.

что они носят характер беглых историографических обзоров, затрагивающих наиболее общие положения и выводы исследователей лишь по некоторым вопросам интересующей нас многогранной проблемы и не дающих представления о том, какими методами работы достигнуты, насколько подкреплены историко-теоретическими доводами эти положения и выводы.

Научная новизна диссертации заключается в постановке проблемы. Впервые проводится целостный, всесторонний историографический анализ результатов изучения аграрных отношений Восточной Армении нового периода /по некоторым вопросам исследование, естественно, касается и позднего средневековья/. Рассматриваются две концепции о формах земельной собственности, землевладения, экономической реализации земли и феодальной зависимости крестьянства Восточной Армении XIII-XVIII вв. и первого тридцатилетия XIX в. В союзной литературе фигурирует лишь концепция о наличии там частной помещичьей земельной собственности, разработанная И.Петрушевским, и не упоминается противоположная точка зрения, разработанная в основном С.Маркосяном и некоторыми другими армянскими исследователями.

Отожествление И.Петрушевским и частью армянских авторов мульткадарского землевладения / и потомственного титула второй половины XVIII - начала XIX вв./ с армянским хайреником приводит к неубедительному выводу будто окончательное укоренение в XV в. "мусульманской" /И.Петрушевский/ формы землевладения /мулька/ в Армении означало лишь этническое преобразование светской феодальной верхушки страны, а не исчезновение местной формы земельной собственности /хайреника/ с ее внутренним содержанием, юридическим составом. Подобный вывод вынуждает, в известной мере, обходить тот факт, что утверждение слабо развитых /"мусульманских"/ форм земельно-сословных отношений вообще не только препятствовало социально-экономическому развитию Армении, но и обусловило определенный регресс.

Утверждение, что отсутствие у мульткадаров /и потомственных титулдаров/ абсолютного права распоряжаться общинной землей не может послужить доводом для отрицания на ними права собственности на землю, так как феодальная собственность вообще была ограничена иерархической структурой класса феодалов /наличием нескольких субъектов собственности на одну и ту же землю/, примени-

тельно к Восточной Армении неуместно. Административно-политическая иерархия военно-феодальной знати Восточной Армении не соотнеслась с иерархической структурой землевладения /земельная иерархия здесь отсутствовала/.

В работе опровергается утвердившееся во многих трудах мнение, согласно которому царизм до 1842 г. не придавал особого значения "высшему сословию" Восточной Армении в создании своей социальной опоры и поэтому не признавал прежних прав собственности на землю местных феодалов. По нашему убеждению, ничем не обосновано распространное в нашей литературе утверждение, что представители официальной историографии и кавказоведения XIX - начала XX вв. отрицали наличие частной собственности в бывших ханствах именно с целью оправдать эту политику, а заодно и показать особую милость царизма к местным феодалам, проявленную в 1846 г. В этой связи нами указывается на необходимость изучения и переоценки историографического наследия дореволюционных исследователей.

Рескриптом 1846 г. был существенно изменен лишь характер мульткадарского права: оно, как право на получение определенной доли земельной ренты, впервые стало безусловным-наследственным. Сама суть мульткадарства как формы феодального держания во второй половине XIX - начале XX вв. фактически не претерпела изменений.

Наименование "государственные поселяне", данное рескриптом 1846 г. всем категориям частновладельческих крестьян, юридически и в действительности, имело за собой весьма реальное содержание. Исходя из имеющихся фактов, приходится говорить об ограниченных возможностях перемещения, но никак о "сплошном явлении" закрепощения или "почти крепостном" положении частновладельческих крестьян Восточной Армении в XIX - начале XX вв. Спрос "господских распахов" на барщинный труд в общей сложности по-прежнему был незначительным.

В работе уточняются размеры натуральной подати, установленные в 1828-1834 гг. и по Положению от 14 мая 1870 г., обстоятельно представляется социально-правовое положение отдельной категории крестьян-ранчаров, приводятся новые данные об имущественном расстройстве крестьянства по состоянию на дореформенный период. Указывается на необходимость дальнейшего изучения условий зарождения и развития капиталистических отношений в восточноармянской деревне, с учетом не только внешних, но и внутренних факторов аграрных преобразований, особенно, эволюции экономической ячейки общества-

сельской общины.

Ряд вопросов общего характера рассмотрен нами с учетом достижений советской исторической науки в области изучения феодализма вообще, докапиталистического аграрного развития стран Востока в частности. Этим диссертационная работа несколько восполняет явный пробел, существующий в армянской историографии.

Методологической основой диссертационной работы являются те принципы диалектического и исторического материализма, которыми подчеркивается важность исследования ключевых вопросов истории аграрных отношений, в первую очередь, с точки зрения положения основных производителей. Исходным пунктом для суждения по вопросу о сущности этих отношений и эксплуатации производителей нами принято определение земельной собственности, экономически реализуемой в форме ренты, как общественного отношения. Сознвая значение роли надстроечных явлений, правовых норм в регулировании земельно-сословных отношений, мы одновременно имели в виду, что эти явления не могли постоянно и повсюду полностью отражать перманентную действительность. Исходя из этого, мы старались получить представление о подходе исследователей ко всему имеющемуся комплексу исторических фактов по той или иной стороне аграрной системы Восточной Армении.

Источниковая база диссертации. В центре нашего внимания были источники, использованные в исследованиях по аграрным отношениям. По мере необходимости нами приведены дополнительные или новые фактические данные из фондов Центрального государственного исторического архива Республики Армения, архивного отдела Института древних рукописей при Совете Министров Республики Армения - Матенадарана, а также из опубликованных источников: "Джамбур, собранный и изложенный католикосом Симеоном Ереванци" Вагаршапат, 1873, /на арм.яз./; "Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией", т. VI, ч. I, Тифлис, 1877, т. VII, Тифлис, 1878, т. XII, Тифлис, 1904; "Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 гг. XIX в." ч. I, II, М.-Л., 1936; "Купчие", вып. I, сост. Ар. Абрамян, Ереван, 1941 /на арм.яз./; "Аграрная политика царизма и крестьянские движения в Армении в начале XX в.", сост. В. А. Рштуни, при участии К. Степаняна, Ереван, 1951; "Персидские документы Матенадарана", сост. А. Д. Папазян, I - Указы, вып. 2, Ереван, 1959, II - Купчие, вып. I, Ереван, 1968 и др.

Апробация работы. Диссертация обсуждена в отделе новой истории Института истории АН Республики Армения. Исследование издано отдельной монографией.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из предисловия и четырех глав. Литература и источники указаны в конце работы.

В предисловии кратко и в общих чертах характеризуются условия и главные направления аграрного развития Восточной Армении нового периода, дается анализ состояния изученности исследуемой темы, определяется цель работы.

В первой главе - "Вопрос о земельной собственности и формах землевладения" - прежде всего, обращено внимание на известное из специальной литературы более широкого охвата положение об имевшем место, в той или иной мере, в ряде стран Востока, особенно в XVI-XVIII вв. - начале XIX в., важном для общественного развития процессе трансформации государственной формы земельной собственности и превращения условного землевладения в безусловное. Подобная эволюция отмечена, по результатам исследований И. Петрушевского, также в Иране и Армении, где "уже к началу XVIII в. в результате многочисленных пожалований большая часть земель дивани и хасса перешла во владение феодалов. Одновременно значительное распространение получила частная феодальная собственность /мульк/".¹² Согласно другому заключению, безусловная собственность на землю /мульк - армянское хайреник/ в период после XIII-XIV вв. сохранилась для небольших владений, но земли шахского домена XVIII в. потом стали переходить в руки тиульдаров, а сам тиул к концу XVIII в. и в первой половине XIX в. практически не отличался от мулька.¹³

¹² Гамазюв Л. С., Павлов В. И. Относительно уровня социально-экономического развития стран Востока до превращения их в колонии и полуколонии капиталистических держав - В кн.: О генезисе капитализма в странах Востока /XV-XIX вв./, Материалы обсуждения. М., 1962, с. 367-368.

¹³ Новосельцев А. П., Пашута В. Т., Черешкин Л. В. Пути развития феодализма. /А. П. Новосельцев. Страны Закавказья и среднеазиатского регионов/, М., 1972, с. 109-110.

Вопрос о трансформации господствовавшей или преобладавшей в Армении государственной формы земельной собственности, о том, какие конкретные земельно-сословные, правовые отношения представляли мулк и тиул, стал предметом спора для армянских исследователей. Поэтому, с точки зрения историографии вопроса, вышеприведенные обобщения, базирующиеся на толкованиях И.Петрушевского, применительно к Армении представляются нам односторонними. В данном случае следует говорить об аналогичности основных выводов И.Петрушевского и части армянских исследователей. Но существовала и иная точка зрения, представленная, в отдельных ее элементах, в работах некоторых армянских авторов и наиболее комплексно разработанная уже к концу 1950-х годов С.Маркосяном. Этими исследователями отрицается когда-либо превращение тиула во владение землей и подчеркивается, что право на мулк в Восточной Армении изначально и до второй четверти XIX в. ограничивалось феодальным присвоением доли ренты-налога на основе не частной - помещичьей, а государственной земельной собственности.

Неудовлетворительный уровень разработанности этой концепции к концу 1940-х годов позволил И.Петрушевскому заметить, что она повторяет общепризнанное в XIX - начале XX вв. объяснение /И.Шопена, С.Зелинского, С.Егиазарова, М.Кучаева, С.Зсадзе и др./, согласно которому возникновение в Закавказье мулков и тиулов было обусловлено государственными пожалованиями доли казенных доходов представителям "высшего сословия" бывших ханств за их службу и особые заслуги. В опровержение подобных суждений относительно мулька И.Петрушевский выдвинул следующие доводы: а/ нет ни одного документа, указывающего на связь владения мулком с несением государственной службы; б/ в отличие от тиула, владение которым было обусловлено службой, мулк был всегда предметом отчуждения, передачи по наследству.

В этой связи предстояло еще выяснить вопрос о предмете передачи по наследству, отчуждения под названием "мулк", которое из первоисточников представляется множеством обозначений / в том числе - и десятины с урожая, и деревни, платящей десятину/. Ведь И.Шопен, С.Егиазаров и многие другие авторы констатировали, что развитие мулковой и тиульной форм владения, в отличие от развития феодала и лена в Европе, остановилось на степени наследствен-

но-отчуждаемого и пожизненного прав держания. Следовательно, при оспаривании их взглядов и, вообще, при определении мулкадарства, вопрос о возникновении мулька должен стать предметом отдельного рассмотрения.

Еще в 1923 г. Т.Авдалбекян признал одним из источников происхождения мулька водовладение:¹⁴ частное лицо приобретало право на 1/10 долю урожая от земель, орошаемых приведенной им водой. При более внимательном изучении "Джамбра" Симеона Ереванци следовало бы подчеркнуть, что частная инициатива по орошению земель как особая заслуга поощрялась государством пожалованием мулька. Полагая, что жители казенных деревень I ХУП-ХУШ вв. были обложены лишь 1/5 частью урожая /малой баррой/, Т.Авдалбекян в "самовольном обязательстве" ими платить десятину другим лицам усмотрел еще один источник возникновения мулька. Но речь может идти лишь о редких случаях, когда казна по каким-либо мотивам уступала часть натурального оброка сельской общине, с предоставлением ей права распоряжаться этим мулком. Неуместно обобщенный Т.Авдалбекяном факт следует отнести не к возникновению, а к движению уже отчужденного казной мулька. С целью опровержения сословия И.Шопена о предоставлении мулков должностным лицам в жалование, Т.Авдалбекян приписал к ряду источников возникновения мулька известные сделки по приношению в дар, передаче по наследству, купле-продаже мулковых статей, хотя одновременно справедливо относил подобные факты к движению мулков. Очевидна попытка, нашедшая в дальнейшем место в работах ряда исследователей, решить один вопрос /о возникновении мулька/, оперируя фактами, относящимися к другому вопросу /о юридических свойствах уже существующего мулька/.

Лео в вопросах о мулке и тиуле придерживался взглядов И.Шопена, С.Зелинского, С.Егиазарова.

Рассуждения С.Погосяна о возникновении и содержании мулька как феодального права на часть ренты мало чем отличаются от комментариев Т.Авдалбекяна.

Б.Арутюнян характеризовал мулкадарскую часть ренты-налога как уступленную государством долю общей ренты различным людям,

¹⁴ Авдалбекян Т.А. Арменоведческие исследования. Ер., 1969, с.427-435 /на арм.яз./.

временно или с правом наследования, за их службу, взамен жалования, и духовным учреждениям - за религиозную службу. С этой характеристикой созвучны следующие утверждения автора: а/ мульткадар при продаже своего мультка не имел права нарушать целостность земель мульткадарской деревни, право распоряжения которыми принадлежало общине; б/ тиул /другая часть ренты-налога/ по своему происхождению была однородна с мультком и являлась разновидностью последнего в расширенном содержании. Однако, всему этому противоречит взгляд Б.Арутюняна на мульткадарство как частную земельную собственность с правом мульткадара отчуждать и передавать по наследству принадлежащую ему деревню как в целом, со всеми ее землями, так и по частям.¹⁵ Подобный взгляд и теоретически несовместим с определением мультка и однородного с ним тиула как частновладельческой, уступленной сизереном доли общей ренты, проявившейся в форме налога.

По А.Есаюну мультк первоначально имел природу условного владения землей - бенефиции, в дальнейшем превратился в безусловную частную собственность, принимая характер "феода-аллода" средневековой Европы или русской вотчины.¹⁶ При этом А.Есаюн оперировал юридическими свойствами мультка в интерпретации Б.Арутюняна.

И.Петрушевский категорично проводил полную аналогию мультка с аллодом, хайреником, вотчиной. Мультк, отмечал он, еще с VII в. начал означать феодальный институт, напоминающий аллод, и именно с этим содержанием шариатское мультковое право утвердилось в Армении, где завершившийся в XV в. процесс исчезновения армянской феодальной знати и утверждения мусульманской военно-политической верхушки привел к укоренению "мусульманских" форм феодальных отношений.¹⁷

Исследования И.Петрушевского охватывают большой диапазон важных вопросов аграрных отношений Ирана, Азербайджана и Армении XIII-первой четверти XIX вв., в них использован разнообразный исторический материал, особенно следует выделить впервые введенные в

¹⁵ Арутюнян Б.М. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XIII-XVIII вв. Ер., 1940, с.33-79.

¹⁶ Есаюн А.М. Мульткадарское право в Армении. Ер., 1948, с.79.

¹⁷ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI- начале XIX вв. Л., 1949, с.224, 228, 244; Его же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV вв. М.-Л., 1960, с.251-252.

научный оборот именно им персидские источники. Тем не менее, рядом выводов по отдельным вопросам принципиального значения, на которых построена его концепция, просматривается одностороннее, порой поверхностное прочтение конкретных данных источников.

В обоснование определения мульткадарства как частной собственности на землю и живущих на ней крестьян И.Петрушевский указал на упоминание границ мультковых деревень в многочисленных документах, заверявших отчуждение, завещание мультка со всеми земельными угодьями, хозяйственными объектами в черте данной деревни. Этот факт, однако, не может быть истолкован однозначно. Известны случаи, когда границы всей деревни упоминались в купчих, составленных по отчуждению лишь отдельных долей всего мультка. И.Петрушевский не отрицал, что шах /а также хан, как полагал он/ мог пожаловать мультк-поместье должностному лицу, но, по его убеждению, после этого мульткадар не был обязан продолжать службу. И хотя владение мультком теоретически было ограниченным, поскольку верховным распорядителем земель являлось государство или шах, прекращение прав отдельных феодалов шахскими указами, отмечал он, было исключительным явлением, в действительности же на мультк смотрели как на неограниченную земельную собственность. Два положения, подчеркнутые И.Петрушевским по этому поводу, неубедительны. Одним из них определяются "легальные" и "нелегальные" пути возникновения и количественного роста мультков, с указанием на получение их по завещанию, в наследство, в результате различных сделок, а также путем захвата более сильными владельцами мультков слабых владельцев.¹⁸ Подобные данные, однако, не раскрывают источника возникновения, тем более - количественного роста мультков, а понятие "захват", как свидетельствует "Джамбр" обычно применялось и для обозначения законного действия по владению некогда отобранного мультком. Согласно другому положению, необходимость повторного утверждения или упразднения сизереном прав тех или иных مالиков возникала лишь в исключительных случаях, когда эти права оспаривались, вызывая сомнения. Разумеется, для обоснования этого положения, призванного доказать про-

¹⁸ Петрушевский И.П. Очерки..., с.241-242.

чность и безусловность мульткадарского права, следовало оперировать шахскими указами, подтверждавшими решения шариатски. судов по возникшим между претендентами на мультк спорам. Но в этой связи, приобрел бы важность вопрос о репрезентативности используемых данных с точки зрения раскрытия всех обстоятельств повторных изданий документов по правам маликов. Особенно "Джамбр" избилует упоминаниями и о других, вовсе не исключительных случаях, когда повторно утверждались права крупного мульткадара - Эмиадзинского монастыря - на одни и те же, никем не оспариваемые, его мультки. Ведь документы, возникшие по решениям споров вокруг мультков, не затрагивают непосредственных взаимоотношений сюзерена с частновладельцами. Как нам представляется, именно неполная ясность с этой важной сферой реальных отношений, которые недостаточно глубоко изучены Б.Арутюняном, А.Есаляном, И.Петрушевским, с одной стороны, и усмотрение за юридическими свойствами мульткового права признаков распоряжения частновладельцем землей, с другой, привели их к разным толкованиям источников возникновения мультка и состава мульткового права. Опираясь фактами отчуждения и наследования мультка трудно также внести ясность в вопрос о том, безусловным ли или условно-наследственным, временным ли / как мимоходом отметил Б.Арутюнян/, бессрочным или вечным было это право. В результате всего этого считающаяся единой точка зрения о мульткадарстве как частной собственности на землю, разработанная Б.Арутюняном, А.Есаляном, И.Петрушевским в 1940-х годах и поддержанная П.Арутюняном, О.Туманяном, М.Адонцем, В.Рштуни, Х.Авдалоекяном в 1950-х годах оказалась не лишеной расхождения в толковании важных ее составляющих.

Более того, не вполне совместимы также завершающие научные определения института мультк: однородное с титулом феодальное держание с правом лишь на присвоение части ренты-налога, одновременно, с более широким правом - собственности на землю /Б.Арутюнян/, первоначально - бенефиция, в эволюции - феод-аллод, вотчина /А.Есалян/, раз и навсегда - аллод, хайреник, вотчина /И.Петрушевский/, то - феод, то - аллод и хайреник /П.Арутюнян/, земельная собственность - фактически /О.Туманян/. Напрашивается вопрос - что же исчезло в Армении с утверждением мульткадарства как "мусульманской" формы феодальных отношений, если мультк являлся полной аналогией хайреника? Ответ на этот вопрос по выводам А.Еса-

яна, И.Петрушевского и следовавших за ними исследователей выглядел бы так: укоренение "мусульманской" формы землевладения означало лишь этническое преобразование феодальной верхушки в Армении /которое, кстати, не было абсолютным/, а не исчезновение местной формы земельной собственности /хайреника/ с ее внутренним содержанием, юридическим составом. При подобной интерпретации вопрос о самой сущности мульткового права, то-есть - конкретной формы "мусульманских" земельных отношений, исчезает за вопросом, затрагивающим "этническую" принадлежность обладателей права, за названием "мусульманская форма" или за буквальным различием терминов "мультк" и "хайреник". Нам представляется правильным говорить о существенных различиях мультка и хайреника, не обходя того известного факта, что утверждение остальных /"мусульманских"/ форм земельно-сословных отношений не только препятствовало социально-экономическому развитию Армении, но и обусловило определенный регресс.

В конце 1950-х - начале 1960-х годов с критикой взглядов вышеназванных авторов на мульткадарство и ряд других узловых вопросов аграрных отношений Восточной Армении XVII-XVIII вв. - первой четверти XIX в. выступил С.Маркосян, углубив в своих трудах и некоторые положения по отдельным сторонам этих отношений, выдвинутые им еще в 1936 г.

Методически четко разграничив вопросы, относящиеся к возникновению, движению мультков, повторному утверждению права на мультк, скрупулезно сопоставив данные первоисточников, особенно "Джамбра", С.Маркосян пришел к следующим выводам: мультк /определенная часть ренты-налога-большой багры/ представлялся только шахским указом, иногда по ходатайству хана, частным лицам за их государственную службу /взамен казенной арендной оплаты - "тондуга", или ежегодной оплаты - "хамесала"/, за особые заслуги, в том числе, за инициативу по орошению земель, и духовным учреждениям - за религиозную службу и заслуги /к примеру - по орошению земель/. Непосредственное юридическое значение пожалования на мультковладение ограничивалось временем царствования пожаловавшего, откуда - и необходимость, как общее правило, в повторном утверждении прав маликов, часто на никем не оспариваемые одни и те же мультки. Право на владение мультком в практике, до нового его утверждения или упразднения новым властителем, было бессрочным, условно-наслед-

ственным и могло отчуждаться, но - никак не безусловным, раз и навсегда дачным, прочным и вечным.¹⁹ В этой связи, как нам кажется, тезис С.Маркосяна о том, что представление прежних дарственных грамот, кабале и других документов для повторного утверждения права малика являлось лишь средством морального воздействия на нового властителя, обходит конкретное юридическое значение подобных документов в промежуток времени между прежним и новым утверждениями мультковладения, когда мульт мог стать предметом различных законных сделок.

По интерпретации С.Маркосяна и В.Дилояна упоминание границ мультковых деревень в документах, заверявших отчуждение, передачу по наследству мультка в целом или по частям /со всеми земельными угодьями, хозяйственными объектами в черте данной деревни/ было продиктовано необходимостью констатации относительного объема частновладельческой доли ежегодных доходов, предотвращения возможных новых претензий на мульт деревни в целом /традиционно считавшегося состоящим из шести дангов - "шешданг-мульт"/ или на отдельные его части /данги/.

Все это, а также результаты анализа данных о взаимоотношениях маликов с общинами мультковых деревень привели С.Маркосяна к заключению об отсутствии частной помещицкой земельной собственности в Восточной Армении.

Ряд выводов по вышеупомянутым вопросам А.Папаяна, особенно его замечания относительно практического значения шариатских правовых норм в урегулировании взаимоотношений сюзерена с мультковладельцами, по нашему убеждению, подтверждают правомерность точки зрения С.Маркосяна. Все же А.Папаян настаивал и на том, что указание на ограничение права малика лишь распоряжением доли ренты-налога недостаточно для отрицания его права собственности на землю, поскольку феодальная собственность вообще была ограничена, с одной стороны, владельческими правами крестьян, с другой - иерархической структурой феодального класса и существованием феодального права на одну и ту же землю нескольких субъектов собственности.²⁰

¹⁹ Маркосян С.С. Аграрные отношения в Араратском крае в ХУП-ХУШ вв. и в первой четверти XIX в. Ер., 1959, с.291-292, 320-323 /на арм.яз./.

²⁰ Папаян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI-XVII вв. Ер., 1972, с.83.

Военно-феодалная знать Восточной Армении, со своей иерархией в лице ханов, беков, меликов, наибов и других, представляла административно-управленческий и хозяйственно-налоговый аппарат государства и одновременно, вместе с высшим духовенством - эксплуатировавший класс феодалов - мульткадаров, тиульдаров. Однако, о наличии земельной иерархии внутри этого класса и сочетании ее с административно-политической иерархией речи быть не может. Общеизвестно, что, помимо единоличного владения мультками отдельных деревень, несколько мультковладельцев могли одновременно владеть одной и той же мультковой деревней. Все они, независимо от того, какую ступень занимали в административно-политической иерархии, независимо от своей сословной принадлежности /мультковладение вообще не являлось узко-сословной привилегией/ были наделены одинаковым равным правом распоряжаться своими мультками, без права изменять размер мультка-десятины, устанавливать новые обязанности крестьян. Из сущности мульткадарства не вытекало такое сочетание прав феодалов, которое было характерно для западноевропейской земельной иерархии и которым обуславливались формы административной, земельно-налоговой и судебной зависимости крестьянина от разных субъектов собственности на одну и ту же землю. Условность мульткового держания и ограниченность мульткадарского права здесь являлись признаками не земельной иерархии, а непосредственных взаимоотношений между казной или шахом /верховным монопольным распорядителем земли и ренты-налога/ и мультковладельцами. Земельная собственность в данном случае представлялась в своей "чистой" государственной форме.

Обобщающий труд "История армянского народа" предлагает два противоположных определения мульткадарства: как частная собственность на землю - армянский хайреник /том IV/ и как право исключительно на взыскание определенной доли ренты-налога /том V/.²¹

Во втором разделе первой главы рассматриваются результаты изучения тиула и муафства.

Тиул предоставлялся за государственную службу, с правом временного или пожизненного пользования рентой-налогом, не подлежал продаже и закладу, редко превращался в наследственное держание. Наряду с этим общепринятым определением имеются разногласия сре-

²¹ История армянского народа. Изд-во АН АрмССР, т. IV, Ер., 1972, с. 262; т. V, Ер., 1974, с. 19-20, 27-31 /на арм.яз./.

ди исследователей в вопросе об эволюции тиула, о сути его "ереванской" разновидности. С разных позиций расценено положение Б.Арутюняна об однородности тиула с мульком. С.Маркосян подчеркнул, что оно противоречит общей точке зрения самого Б.Арутюняна и ряда авторов, согласно которой суть тиула, как правило, заключалась в присвоении пожалованной казенной доли /1/5-ой или малой багры/ ренти-налога, а право на мулык /взимание 1/10-ой ренти-налога/ базировалось на безусловной частной помещицкой земельной собственности. С.Маркосян же справедливо утверждал, что мулык был качественно однороден с тиулом на единой основе - на основе феодально-государственной собственности на землю.

Замечания И.Петрушевского о том, что причина противоречий в выводах Б.Арутюняна будто бы кроется в частичном повторении "ошибочного" или ограниченного взгляда И.Шопена на тиул, особенно на его "ереванскую" разновидность /совмещение в одном лице прав на тиул и на мулык одной и той же деревни/, не убедительны. Независимо от некоторого неопределенного применения И.Шопеном термина тиул /тиульство вообще/, в его упоминаниях достаточно ясно представлены виды тиульных пожалований в Ереванском и Нахичеванском ханствах в начале XIX в. С ними не расходятся документы Армянского областного правления за 1828 г. и замечания С.Егиазарова, привлечением которых И.Петрушевский пытался доказать, будто в XVIII - начале XIX вв. "наряду с рентой" официально были пожалованы в собственность и земли тиульных деревень, с правом владельца на личность зависимых крестьян.²² Здесь наличие поверхностная трактовка И.Петрушевским официальной формулировки "пожалование в тиул целых сельских общин", которая вовсе не означает пожалование земли с населением в собственность. Точка зрения о превращении в ХУП - начале XIX вв. тиула в условное землевладение или в земельную собственность, как показывают наблюдения С.Маркосяна, является результатом неправильного прочтения некоторых косвенных данных. Она удаляет от четкого представления о правах тех тиульдаров и мулькадаров, которые являлись совладельцами одних и тех же тиуло-мулькадарских или тиуло-мулькадарских-казенных деревень с неразделенными земельными пространствами и контингентами налогоплательщиков.

Сущность муафства в достаточной мере выявлена И.Петрушевским,

²² Петрушевский И.П. Очерки..., с.217-218.

А.Папазяном, С.Маркосяном. Вызывают, однако, возражение предположения о будто бы имевших место случаях предоставления мулькадару в тиул казенной малой багры мулькадарской деревни на правах привилегии "муафи" /И.Петрушевский, А.Папазян/ и образовании таким образом "очищенного" /освобожденного от налога/ мулыкского держания /И.Петрушевский/. Эти предположения, призванные подкрепить точку зрения о мулькадарстве как частной земельной собственности не аргументированы. Приведенные по этому поводу упоминания "Джамбра", как доказал С.Маркосян, относятся не к багре, выплачиваемой в государственную казну селом Вагаршапат, принадлежавшем Эмиадинскому монастырю на правах мулькадарства, а к багре, которой было обложено собственное господское хозяйство самого монастыря, но от которой он, по заверениям автора "Джамбра", был освобожден с давних пор по привилегии "муафи".²³

Третий раздел главы посвящен историографии вопроса о помещицких хозяйствах и их рабочей силе. В исторической литературе в качестве одной из характерных черт аграрного строя большинства стран Востока XV - начала XIX вв. подчеркнута отсутствие или слабое развитие помещицкого хозяйства в этих странах. Вопрос о помещицком хозяйстве - это, прежде всего, вопрос об организации эксплуатации основных производителей. Поэтому нам кажется малопродуктивным объяснять характерное для стран Востока преобладание эксплуатации в виде различных форм аренды тем, "что частная собственность на землю здесь не совмещалась с ведением помещицкого хозяйства".²⁴ Примечательно, что и для И.Петрушевского причины этого явления - существования в странах Востока, в частности, в Иране и Армении, отработочной формы ренты лишь как побочной, не могущей иметь ведущее значение формы и то не в виде барщинного труда крестьян в господских зерновых хозяйствах, - оставались "пока /в 1960 г. - С.А./ не выясненными".²⁵

Действительно, автор, убежденный, с одной стороны, в том, что отсутствие барщинных хозяйств было характерно вероятно для всей

²³ Маркосян С.С. Аграрные отношения..., с.335-355.

²⁴ Гамаюнов Л.С., Павлов В.И. Указ.раб., с.373.

²⁵ Петрушевский И.П., Земледелие и аграрные отношения..., с.284-285.

эпохи феодализма в Иране /в Армении в период после IX-XI вв./ с другой - в существовании здесь частной собственности на землю и закреплении крестьян, не мог бы внести ясность в этот вопрос. Неясно другое - в силу каких обстоятельств феодализм в стране с самого начала обошел /или почти обошел/ первичную форму феодального присвоения прибавочного труда?

Нам представляется логичным утверждение других исследователей, согласно которому данная историческая реальность являлась прямым следствием отсутствия частной помещичьей земельной собственности и личной зависимости крестьян.

Выводы некоторых армянских исследователей о наличии в Восточной Армении в последний период персидского владычества права мулькадаров использовать в своих собственных хозяйствах барщинный труд крестьян фактически не обоснованы. Приведенные ими по этому поводу данные относятся к государственным трудовым повинностям тиуло-мулькадарских деревень, которыми иногда /весьма редко/ мог пользоваться частновладелец по пожалованию хана или взамен какой-то доли натурального оброка с согласия налогоплательщиков. Определенные трудовые повинности в пользу частновладельцев были установлены положениями 1847-1851 гг. Как в крупном хозяйстве Эчмиадзинского монастыря, так и в остальных /малочисленных и мелких/ господских хозяйствах Восточной Армении, организованных на ахчевых участках, а также на землях, приобретенных путем различных сделок или за счет освоения внеобщинных пространств, использовалась преимущественно рабочая сила, укомплектованная по найму и на началах издольщины.

В четвертом разделе главы рассматривается изучение и толкование политики царизма в отношении местного "высшего сословия" до 1846 г. Ряд исследователей характеризует эту политику как непоследовательную, выдвигая порой противоречивые утверждения по этому поводу. Конкретными выражениями этой точки зрения являются положения о том, будто бы царизм до 1842 г. был далек от мысли опираться на это сословие или не придавал ему первостепенного значения в создании и упрочении своей социальной опоры, не признавал земельладельческих прав местных феодалов, официальная же историография будто бы пыталась отрицанием существования в бывших ханствах частной помещичьей земельной собственности оправдать эту политику, а заодно и показать милость правительства к местной

знати в дальнейшем. Факты показывают, что эти положения не соответствуют действительности. Царизм с самого начала прошлого века признал, а затем последовательно расширил земельладельческие права местных феодалов, которыми они пользовались во времена персидского владычества, а в 1846-1851 гг. узаконил за ними новые права и привилегии. Законом же от 25 апреля 1841 г., от которого он вскоре - в 1842 г. - отказался, прекращались правленческие функции на местах весьма малочисленных агаларов. Вряд ли официальная историография имела задачу представлять в искаженном виде вчерашние земельно-сословные отношения, о которых не могли не иметь представления сами феодалы.

В пятом разделе главы рассматриваются некоторые характерные черты земельно-сословных отношений /по законам 1846-1912 гг./. Хотя об аграрных законах 1846-1912 гг. много написано, вопрос о том, какие изменения они внесли в земельно-сословные отношения в Восточной Армении, по нашим наблюдениям, нуждается в доработке.

Бесспорно, что агалары по законодательным актам 1846-1847 гг. стали новоиспеченными "собственниками" земли, а родовые старшины кочевых племен Эриванской губернии, согласно Положению от 8 июня 1851 г., могли быть уравнены в правах с мулькадарами, при условии привлечения этих племен к прочной оседлости на казенных землях. Что касается основных групп "высшего сословия" - мулькадаров и наследственных тиульдаров, то, по мнению одной части исследователей /А.Бсаян, М.Адонц, В.Рштуни и др./, в 1846-1851 гг. российскими властями впервые были признаны, юридически оформлены и в известной мере расширены их прежние, существовавшие еще при персидском владычестве собственнические права. По Н.Дружинину, крестьяне, составляющие отдельную категорию государственных поселян Восточного Закавказья, в своей значительной части /в том числе, разумеется, и мулькадарские крестьяне Восточной Армении - С.А./ рескриптом 1846 г. превращались уже в "феодально-зависимых арендаторов помещичьей земли".²⁶ С этой мыслью совпадает вывод С.Маркосяна о том, что мулькадарство второй половины XIX в. принципиально отличалось от мулькадарства XVII - начала XIX вв., и багра, выплачиваемая кре-

²⁶ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева, т. II, М., 1958, с. 73.

стьянами, теперь являлась не пожалованной долей ренты-налога, а частновладельческой рентой, взыскиваемой уже собственником земли.²⁷

Одним словом, мы имеем дело с известными нам противоположными взглядами на положение вещей до 1846 г. В понимании основной сути законоположений 1840-1870-х гг. расхождений среди исследователей почти не имеется: земли населенных имений, утвержденные за потомственными их владельцами и агаларами, в том числе и земли, находящиеся в постоянном пользовании поселян в этих имениях, по этим актам и в действительности являлись полной собственностью частновладельцев-феодалов. Высказано даже мнение, будто беги и агалары Восточного Закавказья, ставшие в конце 1840-х годов настоящими помещиками-крепостниками, в своих земельных правах, в самом деле, приблизились к потомственному дворянству России.²⁸ Лишь М.Еганян говорил о "попытке" царизма превратить частновладельцев в собственников: автор считал, что рескрипт 1846 г. фактически не применялся в жизни, законоположения 1840-1870-х годов были внутренне противоречивы, поскольку провозглашали, "с одной стороны, право землевладельца на частную земельную собственность, с другой - неприкосновенность права крестьянина на свой надел".²⁹

На наш взгляд, следует подчеркнуть, что рескриптом 1846 г. был существенно изменен характер мульткадарского права. Оно впервые стало безусловным - наследственным и, в этом смысле, полным, в отличие от условного-наследственного, бессрочного /до нового утверждения или упразднения сюзереном/ права на мультк прежних времен и такого же права на потомственный тиул второй половины XVIII - начала XIX вв.* В данной связи обращает на себя внимание

²⁷ Маркосян С.С. Аграрные отношения..., с.221-222.

²⁸ Мачалов В.Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958, с.19-21.

²⁹ Еганян М.Н. Переформенные аграрные отношения Армении. Ер., 1960, с.12 /на арм.яз./.

*/ Право потомственного тиулдара, по Положению 1851 г., сливалось с правом мульткадара, после чего тиул, отдельно от мультка, признавался несуществующим, а новые пожизненные тиулы не должны были предоставляться. Разумеется, это установление соответствовало требованию рескрипта 1846 г., по которому все частновладельческие крестьяне перечислялись в разряд государственных поселян под общим названием мульткадар-табиги /подвластные мульткадарам/.

трактовка, данная С.Егиазаровым законодательному установлению о праве "полной собственности владельца" на землю. Согласно этой трактовке, законами 1840-х годов был "изменен юридический состав /мульткадарского права - С.А./, но изменение касалось свойства, а не размера - количества права". Это новое право, по С.Егиазарову, в отношении деревни или поместья в целом, было сильно ограниченным и представлялось полным лишь как наследственное право собственности на "определенную" /в практике неразграничиваемую - С.А./ часть земли, размер которой /4/30 земельного пространства данной деревни/ подразумевался предметно эквивалентным размеру прибавочного продукта /4/30 доходов/, получаемого мульткадаром. В этом С.Егиазаров усмотрел отличие мульткадарского права от права помещика в Европе, которое распространилось "на целостность деревни или поместья".³⁰

Примечательны в этом отношении и сведения первоисточников об обращениях к властям жителей отдельных мульткадарских, мульткадарских-казенных деревень /современников С.Егиазарова/ с предложением определить и выделить в собственность мульткадарам 4/30 части земель своих деревень, остальные же земли признать казенными и оставить в пользовании заявителей на общих началах. Между тем, обычные сделки по отчуждению мультка или его частей не могли нарушить пространственную целостность мульткадарской деревни, тем более - одной и той же деревни, принадлежащей двум или нескольким совладельцам-мульткадарам. Отсутствие фактов, могущих подтвердить обратное, само собой говорит о сложившемся столетиями в восточноармянской деревне положении, по отношению к которому вышеупомянутое законодательное установление было и оставалось формальным. С исторически сложившейся действительностью не расходились те требования закона, которые гарантировали неприкосновенность права крестьянина на землепользование: различные сделки, предпринимаемые владельцем, не могли приводить к каким-либо изменениям в личном и имущественном состоянии крестьян, к их перемещению или к замене крестьянского надела. Исследователям следовало бы

³⁰ Егиазарянц С.А. Феодалное землевладение в Европе, в населенной армянами части нашей страны и нынешнее экономическое положение нашего крестьянина. Тифлис, 1882, с. 20-24 /на арм.яз./.

обратить внимание и на одно важное, казалось, очевидное обстоятельство: взаимоотношения землевладельцев и крестьян в 1840-1870 гг. целиком и полностью определялись государством, что, по нашему убеждению, само по себе означало ограничение прав частного "собственника земли" государственным земельным урегулированием.

Все это дает нам основание, с одной стороны, согласиться с мнением о противоречивости законодательных установлений, с другой стороны, указать на весьма реальное содержание наименования "государственные поселяне", данного рескриптом 1846 г. всем категориям частновладельческих крестьян. В.Рштуни отметил, что этим наименованием власти преследовали цель, во-первых, подчеркнуть "некоторое отличие" помещичьего землевладения России и Грузии от помещичьего землевладения в Восточном Закавказье, во-вторых, показать особую императорскую милость к местным помещикам "в деле превращения их во владельцев государственной земли и государственных крестьян".³¹ По утверждению В.Мочалова, наименование "государственные поселяне", которое должно было показать будто бы свободное состояние фактически закрепощенных крестьян, подчеркивало лишь фальшивость настоящего крепостнического акта. На наш взгляд, важнее, в данной связи, подчеркнуть не факт императорской милости к "высшему сословию" Восточного Закавказья, а тот факт, что земельно-сословные отношения этого края, с одной стороны, и России или Грузии, с другой, на самом деле отличались по существу как до, так и после 1846 г.

Вряд ли можно сомневаться в правоте представителей официальной историографии XIX - начала XX вв., считающих, что провозглашение мулькадаров /и потомственных тиульдаров-мулькадаров/ полными собственниками населенных имений, предоставление им некоторых функций полицейского надзора над крестьянами не имело основ в действительности. Между тем, другие законодательные установления, затрагивавшие весь комплекс взаимоотношений землевладельцев и крестьян, исходили из той же действительности. Поэтому суть мулькадарства как формы феодального держания во второй половине XIX - начале XX вв. фактически не претерпела изменений, вплоть до прекращения мулькадарского права законом от 20 декабря 1912 г.

³¹ Рштуни В.А. Очерки..., ч. I, с. 164.

Вторая глава - "Вопрос правового положения крестьянства". В первом разделе рассматриваются разные точки зрения по вопросу о правовом положении крестьян, ведущих собственное хозяйство /райатов/. Отсутствие крепостного права в Восточной Армении /за исключением ее северо-восточных районов, входивших в состав персидских валийств Восточной Грузии/ в период, предшествовавший присоединению ее к России, констатировано всеми исследователями. Однако, предметом спора стал вопрос о том, существовало ли в действительности прикрепление крестьян к земле с их личной крепостной зависимостью от частновладельцев, не оформленной в праве.

Лео, повторяя мнение, утвердившееся в кавказоведческой литературе и официальных кругах XIX - начала XX вв., о наличии в бывших ханствах личной свободы крестьян, указал лишь на редкие "следы" крепостной зависимости в "меликском землевладении" Хачена /в Карабахе/ в лице "рабов-слуг-подданных" Гандзасарского монастыря, упоминаемых в архивных документах 1840-1850 гг.³² С.Маркосян убедительно доказал, что под названием "раб" в этих документах упоминались обычные райаты /15 семей, переселившихся когда-то из Ирана/, принадлежность которых монастырю, а также их обязанности как бессрочных арендаторов земли, в силу некоторых обстоятельств, были установлены в судебном порядке.

По мнению Б.Арутюняна, имеющий право на свободное перемещение крестьянин, при отсутствии рынка труда вне сельского хозяйства и по принуждению землевладельца, фактически прикреплялся к земле и работал, как крепостной. Приведенные им весьма скудные данные относительно принудительного отвода жителей села Вагаршпат на работу в хозяйстве Эчмиадзинского монастыря-мулькадара могут быть истолкованы по-разному. Между тем, исследования самого Б.Арутюняна, а также С.Погосяна, В.Дилояна, затрагивающие вопрос организации сельскохозяйственных работ в Ереванском ханстве в ХУП-ХУШ - начале XIX вв., показывают, что здесь отсутствовала крепостная барщина.

А.Есяян охарактеризовал мулькадарство как особую форму кре-

³² Лео. Торговый капитал и его политическая и общественная роль среди армян. Ер., 1934, с. 161-165 /на арм.яз./

постничества на Востоке: тем не менее, он отметил, что "в некоторых условиях" крестьяне могли свободно оставлять земли прежних владельцев и перемещаться к другим. Но очевидно, что "некоторые условия" свободного перемещения должны быть отнесены к фактическим возможностям перемещения, и не более. С точки зрения теории уязвим тезис А.Есяяна о том, что "внеэкономическое принуждение" в отношении мулькадарских крестьян, ничем не отличавшихся от крепостных, здесь осуществлялось в форме установления сословного неравноправия.

По И.Петрушевскому, прикрепление крестьян к земле существовало не только в Грузии, но и в ханствах Армении и Азербайджана, с той лишь разницей, что соответствующие отношения в ханствах не нашли такого же отражения в законодательстве, как в Грузии. Причем, он говорил о закреплении здесь вообще крестьянских масс, о свободном состоянии лишь небольшого числа еще не закрепощенных сельских общин на рубеже XVIII и XIX веков. Согласно другому выводу И.Петрушевского, "в закавказских ханствах прикрепление крестьян к земле, точнее, к хараджу и повинностям, следуемым с данной местности, существовало, или, по меньшей мере, феодальной власти делались настойчивые попытки добиться такого прикрепления".³³ По справедливому замечанию С.Маркосяна и В.Дилояна, в таком случае не приходится говорить о личной зависимости крестьян от феодалов, так как, где бы ни находился крестьянин, он должен был выплачивать харадж. Факты же, приведенные И.Петрушевским по этому поводу /о перемещениях крестьян из одного ханства в другие/, как показал С.Маркосян, относятся к взаимоотношениям государственных властей и подданных.

Точку зрения И.Петрушевского разделили П.Арутюнян, О.Туманян, М.Адонц, хотя позднее М.Адонц отметил, что крепостничества в Восточной Армении не существовало и крестьянин мог безнаказанно перемещаться.

В.Рштуни указал на противоречивость положений И.Петрушевского, считая при этом, что главное из них - положение о массовом закреплении крестьянства в Армении XVI - начала XIX вв. - не имеет фактической основ. По его мнению, все то, что имеется в трудах А.Есяяна, Б.Арутюняна, И.Петрушевского, М.Адонца, Ц.Агаяна по данному вопросу, может быть принято как подтверждение наличия

³³ Петрушевский И.П. Очерки..., с.88, 232, 240, 252-263.

значительных элементов крепостничества, а не прикрепления крестьян как правила.

Отрицание И.Шопеном и другими авторами XIX в. наличия подобных "элементов" В.Рштуни расценил как тенденциозность и рекомендовал не доверять сообщению И.Шопена о том, что мулькадары не имели права облагать крестьян барщинной повинностью. Приведенные им данные не подтверждают существования именно мулькадарской барщины, а относятся к обложению крестьян государственной /сардарской/ повинностью - "паракар" и применению в частных хозяйствах "ранчпарского" труда крестьян, лишенных средств производства. Для нас не совсем ясно - из каких соображений В.Рштуни пытался доказать наличие каких-то элементов крепостничества при своем полном согласии с Б.Арутюняном в том, что юридически лично свободный мулькадарский крестьянин будто бы мог быть предметом продажи вместе с землей - "мульком".³⁴ Между тем, на этом настаивал и И.Петрушевский в подтверждение своего основного тезиса о существовании прикрепления крестьян к земле, против которого возражал В.Рштуни. Известно, однако, что многочисленные документы по следам вокруг мульковых статей, которые оформлялись и утверждались согласно шариатским правовым нормам, ничего не сообщают /и не могли сообщить - С.А./ о продаже лично свободных в правовом отношении райатов.

По С.Маркосяну, крестьяне в ханские времена, в силу экономических обстоятельств, были прикованы к сельской общине и общинной земле, а в 1820-1840-х гг., с появлением в крае частной помещичьей земельной собственности, создались условия для их фактического прикрепления к помещичьей земле; стержнем взаимоотношений поселян и мулькадаров стало бессрочное арендование этой земли, одновременно, считал он, "сплошным явлением" стало закреплении крестьян в виде еще полностью неоформленных крепостнических отношений.³⁵

В обобщающем труде "История армянского народа" земельно-сословные отношения, установленные законоположениями 1846-1851 гг., охарактеризованы как "полукрепостнические", положение крестьян

³⁴ Рштуни В.А. Очерки..., ч.1, с.35.

³⁵ Маркосян С.С. Аграрные отношения..., с.163-165

определено как "почти крепостное" /с указанием на известные условия, препятствующие их перемещению/.³⁶

Чтобы составить общее представление о "сплошном явлении" закрепощения или "почти крепостном" положении крестьян, следует, на наш взгляд, обратить внимание на следующее. Восточной Армении нового периода, как подтвердили исследования М.Адонца, М.Еганяна, М.Хондкаряна, было присуще мелкопомещичье феодальное землевладение, удельный вес "господских распахек" в сельском хозяйстве был весьма низким, следовательно, небольшие и несовместным должен был быть и спрос на крепостной труд. Частновладельческая багра /натуральный оброк/ составляла 3/30 часть урожая, а отработочная рента, то-есть сумма конкретно установленных трудовых повинностей в пользу владельца /под названием "рабочие дни", "личные услуги"/, в практике рассматривалась эквивалентной 1/30 части урожая. Но постольку поскольку многие помещики, особенно в Ереванской губернии, не занимались непосредственным производством или отдавали господскую землю в аренду, то причитающаяся им трудовая повинность обычно выплачивалась натурой /общий оброк таким образом составлял $3/40 + 1/30 = 4/30$ /. Это означает, что восточноармянские крестьяне, в значительной своей части, были заняты исключительно в своих /крестьянских/ хозяйствах. Обеспечением своевременного выполнения налоговых обязательств, а не именно крепостной барщины /как формы эксплуатации при особой системе помещичьего хозяйства/, было обусловлено сильное ограничение их права на перемещение.

В специфических условиях находилась малочисленная группа крестьян - "хизан" - северных районов Армении. В трудах В.Рштуни, М.Хондкаряна хизаны представлены как формально свободные безземельные арендаторы помещичьей земли, могущие быть, по воле помещика, удаленными с арендованного участка, теряя при этом подсобное хозяйство, построенное на нем /согласно закону 1891 г. - получая стоимость построек и возмещение затрат на улучшение земли/.

Все же хизанство, как одно из проявлений промежуточных форм феодальных отношений в Армении, нуждается в более подробном исследовании, с использованием результатов изучения этого института /имеющего, в своеобразных формах; сравнительно большое распростра-

нение в Грузии/ Х.Вермишевым, М.Кучаевым, С.Егиазаровым, П.Гугушвили. Следует, в частности, иметь в виду, что на договорную хизанскую аренду земли шли не только безземельные, но и малоземельные крестьяне, с правом покинуть ее самовольно, но, при этом, оставляя свой труд, вложенный в поместье, постройки, сады и половину движимого имущества.

В первоисточниках XVIII - первой половины XIX вв. упоминаются "крепостные" Эчмиадзинского монастыря, обитавшие в разных городах и деревнях Грузии / первое упоминание относится к XVII в./ . Это были люди, когда-то полученные монастырем в дар, по завещаниям грузинских царей и князей, частично купленные. По сообщению "Джамбра" относительно XVIII в., обязательство "крепостного", независимо от рода его занятий, состояло в выплате монастырю "налога свечами". Правомерно утверждение Б.Арутюняна, что этот "крепостной" в отличие от настоящего крепостного, не был прикреплен к земле /Эчмиадзин не располагал населенными землями в Грузии - С.А./ или даже к дому владельца в качестве прислуги, но владелец мог продать, подарить его или отпустить за выкуп.³⁷ Архивные документы первой половины XIX в., в свою очередь, показывают, что перемещение "крепостных" происходило без разрешения монастыря, но с ведома местных властей, хотя встречаются и случаи, когда монастырь при необходимости сам определял место жительства отдельных "крепостных".

Во втором разделе рассматриваются имеющиеся в литературе различные определения правового положения особой категории крестьян Восточной Армении - ранчпаров. Всесторонний анализ данных первоисточников показывает необоснованность утверждения о крепостном /И.Петрушевский/, полукрепостном или "почти крепостном" /М.Адонц, Х.Авдалбекян/, "фактически крепостном" /В.Рштуни/ состоянии этих крестьян. Ряд исследователей /И.Шопен, В.Иваненко, А.Есаян, Лео, С.Маркосян, А.Папазян/, на наш взгляд, правильно характеризуют ранчпарство как наемный труд. Ранчпары - лишены средств производства и самостоятельного землепользования сельскохозяйственные работники по условно-бессрочному найму находились в своеобразном социально-правовом положении. Феодальная суть их эксплуатации, как

³⁶ История армянского народа, т.V, с.222.

³⁷ Арутюнян Б.М. Указ. раб., с.94

отмечал С.Маркосян, проявлялась в непосредственном присвоении хозяином доли их прибавочного продукта, другая же часть этого продукта, вместе с налогом, изымавшемся с господского хозяйства, поступала к казне. Мнение об освобождении ранчпаров от налогов /В.Иваненко, И.Петрушевский, В.Рштуни/ - результат поверхностного прочтения источников и однозначного толкования термина "ранчпар". Этот термин, в более широком своем значении /земледелец-"мшак"-работник вообще/, применялся и к тем общинникам, которые по распоряжениям ханов временно направлялись на работу у местных правителей, освобождаясь от доли натурального или денежного налога.

Бесспорно прав И.Петрушевский, считая, что обездоленные крестьяне-ранчпары, в отличие от райатов, не входили в состав сельской общины, работали исключительно в хозяйствах своих господинов, следовательно, не имели прав и обязанностей общинника. Но выясняется, что это, поистине существенное отличие, по И.Петрушевскому, могло быть устранено даже простым приказом хана: "...кадры ранджбаров /как особой категории крепостных крестьян/, - писал он, - пополнялись не только из "чужестранцев" и наследственных ранджбаров. Простым приказом хана любой райят мог быть превращен в ранджбара и подарен тому или иному служилому человеку"³⁸

Нельзя полагать, будто ханским приказом общинник мог быть выведен из состава общины, причислен к "особой категории крепостных", иначе пришлось бы сомневаться в серьезности мотивов научного спора по вопросу о правовом положении самих райатов. Речь может идти о том, что райаты, по приказу хана или по бекскому праву требовать у общин определенное количество рабочих, по подряду выполняли трудовую /"ранчпарскую", в широком смысле этого слова/ повинность.

Наследственность, в качестве юридического атрибута или источника ранчпарства, не подтверждена фактами, хотя можно сказать, что тяжелые условия жизни чаще всего обрекали потомков ранчпаров на это же состояние. Пополнение "чужестранцами" рядов ранчпаров на новом месте жительства приводило бы к одновременному сокращению их численности на прежнем месте жительства; между тем, обездоле-

³⁸ Петрушевский И.П. Очерки..., с. 315-316.

ние некоторой части крестьян в силу различных социально-экономических обстоятельств, было повсеместным неизбежным явлением. Первоисточники уведомляют, что ранчпары принимались на работу по их желанию, без какого-либо разрешения и не могли быть проданы или подарены кому-либо. Передки были случаи, когда хан или бек передавали работающим у них ранчпаров своим близким. Нам представляется правомерным замечание С.Маркосяна о том, что предметом дарения, передачи являлся не лично ранчпар, как прикрепленный к господской земле, а его трудовое обязательство: момент принуждения, в правовом отношении, в подобных сделках не присутствовал. Обездоленный крестьянин был безразличен к переходу к тому или иному господину, хотя и имел право покинуть его с пустыми руками, в лучшем случае, с некоторым движимым имуществом.

Причисление ранчпаров к разряду государственных поселян рескриптом 1846 г. не привело к каким-либо изменениям в их положении.

Глава третья называется "Вопросы экономического положения крестьянства". В первом разделе рассматриваются налоги и повинности. В архивных документах первого тридцатилетия XIX в. и в работе И.Шопена отмечаются, с первого взгляда, разные размеры ренты-налога для сардарских /казенных/, частновладельческих и малочисленных "шинаканских", то-есть свободных по "муафству" от уплаты мулька-десятины, деревень Восточной Армении. Это привело к давно утвердившемуся в литературе мнению, согласно которому здесь не существовало определенной налоговой системы с одинаковыми для разных групп крестьянства твердыми размерами налогов. В его основе лежало, с одной стороны, превратное представление, будто бы багру платили только баграярные, а мульки - только мулькадарские деревни, с другой, искусственное прибавление исследователями к государственному налогу той, четко не выделенной в источниках, но в свое время разумеющейся части /1/6/ урожая, которую платили ярияярные крестьяне /половники/ сардару за полученную от него ссуду, то-есть взамен семян, тяглогового скота, сельхозинвентаря.

С.Маркосян первым, скрупулезно проанализировав и обобщив данные, относящиеся ко всем налоговым платам, пришел к следующим выводам: а/ багру / 1/5 урожая/ и мулька-десятину, вместе с 1/30 уро-

жаг, взимаемую в пользу сборщиков налогов, платили все багракярные и ярикярные крестьяне, независимо от государственной или частновладельческой принадлежности их деревень; б/ официальный размер натурального оброка /1/3 урожая/ и степень эксплуатации восточно-армянских крестьян в ХУП-ХУШ вв. и в первом тридцатилетии XIX в. оставались неизменными, остававшаяся же у крестьянина часть урожая / которая еще уменьшалась после различных других взносов/ представляла тот предел, за которым эксплуатация привела бы к массовому разорению крестьянских хозяйств и приостановлению всего воспроизводства.

Интересно толкование С.Маркосяном налоговой единицы "бинача" /тигло/: это название обозначало не определенное количество семей-налогоплательщиков; а сумму "хозяйственных голов" данной деревни, при определении которых подлежащие обложению денежным налогом хозяйственный объект и годовая продукция совершеннолетнего мужчины приравнивались.³⁹

Следует считать доказанным вывод В.Рштуни, М.Адонца, В.Дилояна о некотором улучшении или частичном облегчении налогового положения крестьян в 1828-1834 гг. Однако необходимо отметить, что крестьянам были уступлены не половина натурального оброка /как констатировано В.Рштуни и в У томе "Истории армянского народа"/, а 1/12 часть урожая. У ярикярных крестьян оставалась также 1/6 урожая, но это являлось уже не уступкой от самого налога, а прекращением ежегодной платы за полученный когда-то сардарский кредит, поскольку еще в начале 1830-х годов считалось нецелесообразным разделение государственных крестьян на багракярных и ярикярных. Говоря же вообще об улучшении экономического положения крестьянства, исследователи справедливо имели в виду не столько первые налоговые мероприятия властей в вышеупомянутый короткий срок, сколько тот наиболее значительный факт, что присоединение Восточной Армении к России обеспечило безопасность жизни и имущества людей, предоставило им относительно благоприятные условия для мирного труда.

Разработанная в 1836-1842 гг. и утвержденная в 1843 г. налоговая система, освещенная в трудах В.Рштуни, М.Адонца, В.Парсемя-

³⁹ Маркосян С.С. Аграрные отношения..., с.430-436,441.

на, Х.Авдалбекяна и других, в У томе "Истории армянского народа", с частичными изменениями оставалась в силе во второй половине XIX - начале XX вв. Сопоставление соответствующих статей Положений 1847-1851 гг. и 14 мая 1870 г. и новые архивные данные позволяют считать необоснованным утверждение В.Рштуни и Х.Авдалбекяна о том, будто Положением от 14 мая 1870 г. натуральная подать частновладельческих крестьян Эриванской губернии превышала размер подати в соседних губерниях на 1/30 /или на 33%/ урожая,⁴⁰ с одновременным обложением крестьян трудовой повинностью /которая могла заменяться денежной оплатой/. Эта разница проявлялась только в форме выплаты, точнее - в разных сочетаниях и пропорциях отдельных частей общей земельной ренты. Другое дело, что при попустительстве и покровительстве властей землевладельцы произвольно облагали крестьян оброчными статьями и разными повинностями в повышенных размерах.

В более подробном изучении нуждаются налоги и повинности в Восточной Армении в 1828-1843 гг., поскольку их размеры в разных районах края были разными.

Во втором разделе рассматривается вопрос о расслоении общинников-крестьян /по данным первой половины XIX в./.

Очевидно, что экономическое положение восточноармянского крестьянства ХУП-ХУШ - первой половины XIX вв. представлено в исторической литературе в самых общих чертах, преимущественно на основе обобщения данных, относящихся к размерам налогов и повинностей, промысловым занятиям и побочным заработкам крестьян. О.Туманян и С.Маркосян, с целью дополнить в какой-то мере картину жизненных условий основных производителей Ереванского ханства последних лет сардарского владычества, попытались с.ределить хотя бы приблизительно размер годового и поденного зернового запаса крестьянской /багракярской и ярикярской/ семьи. Разумеется, за полученными ими средними цифрами следует усмотреть разные условия жизни и возможности хозяйственной деятельности общинников,

⁴⁰ Рштуни В.А. Очерки..., ч.П, с.72; Авдалбекян Х.А. Земельный вопрос в Восточной Армении /1801-1917/. Ер., 1959, с. 232 / на арм.яз./.

представляющих различные слои крестьянства. Имущественное и социальное неравенство общинников -крестьян, как историческая реальность, порождающие его ряд факторов давно уже констатированы в литературе, в том числе, и в известном труде С.Егизарова, посвященном исследованию армянской сельской общины. Между тем, исследователями с сожалением отмечено отсутствие фактического материала, необходимого для конкретизации наших представлений об этой реальности и для воссоздания более или менее целостной картины внутриобщинной жизни. На наш взгляд, этот пробел, в некоторой мере восполнит анализ приводимых нами документальных данных, наглядно и разносторонне отражающих социально-имущественное расслоение крестьян деревень Эчмиадзинского монастыря по состоянию на 1830-1840 гг. На этой основе можно с уверенностью говорить о наличии внутренних предпосылок для известных прогрессивных сдвигов в социально-экономической жизни восточноармянской деревни второй половины XIX в. Необходимость же в комплексном изучении сельской общины, ее эволюции в новый период, при нынешнем уровне исследования многих ключевых вопросов истории аграрных отношений Восточной Армении ощущается явно и довольно остро.

Четвертая глава - "Вопросы истории развития капиталистических отношений и крестьянской реформы в восточноармянской деревне". Нам кажется ничем не обоснованным замечание М.Еганяна армянским историкам и экономистам о том, что в их трудах /надо понимать - в опубликованных до 1964 г. работах О.Туманяна, В.Рштуни, М.Адонца, А.Амбаряна, А.Марухяна, О.Ованесяна и др./ восточноармянская действительность до и пореформенного периода представлена если не как простая копия российской действительности, то - "готовыми формулировками", относящимися к развитию капитализма и проведению крестьянской реформы в России.⁴¹ Можно говорить лишь о том, что в этих трудах подчеркиваются общие закономерности капиталистического развития, при раскрытии особенностей этого процесса в Восточной Армении, конкретных условий, замедляющих здесь ход капиталистических преобразований в сельском хозяйстве.

В интересующей нас литературе начало социально-экономических сдвигов, которые создали основу для зачатия капиталистических от-

⁴¹ Еганян М.Н. Указ. раб., с.69.

ношений в восточноармянской деревне, датируется 1850-1860-ми годами, развитие и углубление этих отношений - пореформенным периодом, особенно 1880-ми годами. Среди исследователей также нет разногласий в вопросах о темпах роста торгового земледелия и классовой дифференциации крестьянства, о мотивах принятия земельных законов 1870-1912 гг., об аграрной политике царизма в целом, об обстоятельствах, обусловивших быстрый темп пролетаризации части крестьянства и большие масштабы отходничества /особенно в 1890-1910 гг./.

На наш взгляд неправомерно утверждение М.Еганяна, согласно которому капиталистические отношения в Армении "появились" и развивались исключительно под воздействием внешних факторов /то есть, российского капитализма/, без внутренних экономических факторов. В этой связи нелишне было бы вспомнить факт общего экономического подъема Восточной Армении в 1830-1860-ых годах, который не только обуславливался ростом населения, расширением посевных площадей и производства в отдельных отраслях сельского хозяйства, но и характеризовался оживлением внутренних и внешних торгово-экономических связей, товарного производства и товарно-денежных отношений /начиная с 1840-х гг./. В разрушении границ натурального хозяйства не могло не сыграть роли и отсутствие в Армении крепостного права. Примечательно, что М.Еганян указал на наличие в Восточной Армении еще в 1840-х гг. "зародыша новых типов" сельского населения, предоставленной армянской сельской общиной "готовой почвы для капиталистических преобразований", быстрого развития товарно-денежных отношений после 1842 г. Но, по его мнению, все это могло подействовать как внутренний экономический фактор капиталистического развития только при одном условии - выкупе крестьянского надела в собственность. Отсюда и противоречивые суждения автора о крестьянской реформе в Армении: в одном случае он, вслед за Х.Авдалбекяном, вовсе отрицает проведение этой реформы, в другом - говорит об отрицательных ее последствиях для всего народного хозяйства Армении.⁴²

Конечно, при выкупе крестьянами земли процесс классовой поляризации шел бы несравненно быстрее, но и надел, в свою очередь,

⁴² Там же, с.36, 70-75.

предоставлял возможность эксплуатации чужого труда; крестьянское производство могло получить товарный характер не только на основе частной земельной собственности. Реформа же 1870 г. не могла привести к почти полному застою производительных сил в сельском хозяйстве Армении, поскольку распространялась лишь на частновладельческие деревни /то-есть, на 3,4% всех крестьянских наделов/. Другое дело, что она, в некоторой мере, способствовала распространению отчуждения права на землепользование, нарушению периодичности переделов земли и т.д.

Капиталистические отношения в восточноармянской деревне медленно развивались, главным образом, под воздействием русского капитала, но имели под собой и внутреннюю, хотя и слабую, экономическую почву. Основным же препятствием на пути к качественно новым и быстрым преобразованиям в сельском хозяйстве Восточной Армении являлась преобладающая здесь государственная форма земельной собственности.

Содержание диссертации отражено в
следующих публикациях/ все на армянском языке/:

1. По поводу вопроса о взаимоотношениях Эчмиадзинского монастыря и монастырских крестьян. - Известия общественных наук АН Армянской ССР, 1963, №3 - С.47-62.
2. Эчмиадзинское крестьянство в первой половине XIX в. - Вестник архивов Армении, 1965, №3. - С.181-194.
3. Натуральная подать частновладельческих крестьян Эриванской губернии по Положению 1870 г. - Вестник общественных наук АН Армянской ССР /далее - ВОН/, 1975, №9. - С.18-25.
4. Вопрос о восточноармянских церковных имениях в 1870-1880-х годах. - ВОН, 1976, №9. - С.21-32.
5. Замечания по историографии социальной политики царизма в Восточной Армении. - ВОН, 1977, №2. - С.48-63.
6. По поводу вопроса о тиуле. - ВОН, 1978, №8. - С.80-91.
7. По поводу толкования термина "ранчпар". - ВОН, 1980, №7. - С.62-71.
8. Социально-правовое положение ранчпаров /XVI - первая половина XIX вв./.-ВОН, 1983, №1. - С.41-50.

9. Из истории изучения аграрных отношений в Восточной Армении. - ВОН, 1984, № 1. - С.39-47.
10. К вопросу о всеословности армянской сельской общины. - ВОН, 1984, № 12. - С.41-49.
11. Историография аграрных отношений Восточной Армении нового периода. - Издательство АН Армении, Ереван, 1991. 330 с.

Ц. А. Аветисян